

ИСТОРИЯ СЛАДКИХ НАПИТКОВ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ СЛОВ

Семантическая структура исторического слова существенным образом зависит от его валентных (сочетаемых) возможностей и от сферы употребления. Существовавшая прежде резкая грань между книжно-письменной и устной разговорной речью заметно влияла на объем семантической структуры того или иного слова. Так, семантика книжного слова была задана традицией его употребления, книжное слово было прикреплено к текстам определенного типа, оно воспроизводилось во всем ореоле своих стилистических качеств и своей символики. Старорусское книжное слово – это чаще всего слово церковно-религиозной сферы. Зато разговорное слово, особенно общерусского употребления, в старину зависело от контекста в меньшей мере, имело динамичную семантику, легко меняло свои коннотативную сферу.

В свое время И.И. Срезневский поставил такие вопросы: «Как изменяется язык в народе? Что именно в нём изменяется и по какому пути идёт ряд изменений?... Чем более будут изучаемы памятники русские... тем яснее будет понят язык русский в его древнейшем состоянии» [Срезневский: 17].

Избранная нами для наблюдения группа названий напитков очень убедительно подтверждает слова классика. В перечне блюд и напитков в Древней Руси преобладали напитки питательные и прохладительные. Миф о том, что «веселие русских есть пити», легко опровергается при обращении к реальной истории русского застолья.

В группу питательных жидкостей входили преимущественно напитки сладкие (взвар, сбитень, сыта, сусло, росол свекольный; позже – сироп, шербет; условно – чай и кофе)) или молочные (молоко).

Рассмотрим названия сладких напитков. Таким, например, был *взварь* – *зварь*, *зварец* «напиток из кваса, пива, вина и меда, сваренный с пряностями, ягодами, травами». Слово *взварь* – от глагола *възварити* «заварить»: *Князь ... по причащении же мало възвару вкуси* [Соф. врем. – Срезн. 1, 339].

Взвар варили, неслучайно поименован он по способу приготовления: *По утру звар варит, а к вечеру мир мирит* (пословица XVII в.). В взвар обильно добавляли мед или патоку, клали шафран и черный перец, корицу, изюм, рис («*пшено сорочинское*»). Иногда к взвару подавали сыр и лук. Вот как описан в письменных источниках старорусский взвар: *государю патриарху ествы подавали взварь со пшеномъ сорочинскимъ да съ шафраномъ да съ перцомъ да съ ягоды; взварь медвеной квасной со пше-*

номъ да съ изюмомъ, съ шафраномъ да съ перцомъ; взваръ шафранной съ ягоды съ коринкою (1624 г. – Стол. патр. Филарета, 66, 79); *а въ столе носили напередъ взваръ въ ковшехъ* (1672 г. – Дворц. разр. – 3,).

Ни одно историческое повествование о Древней Руси не обходится без упоминания *сбитня* – напитка на меду с ягодами или пряностями, который употребляли подогретым. Особенно это было полезно в зимнее время, а также при лечении больных и раненых. Сбитень хорошо сохранялся, а его основные компоненты можно было долго хранить, поэтому различали *сбитень сухой* и *сбитень вареный*. См. примеры: *По холодной застале выдавать рати меду на сбитню* (1519 г. – ЧОИДР, 1847, №1, с. 17); *послано къ нему съ Москвы дворцовыхъ запасовъ съ нимъ Юрьемъ... збитню доброво 5, росхожево 7 ведрь* (1666 г. – ДТП-1, 1189); *послатъ больнымъ и раненымъ стрельцомъ уксусу, вина и збитню* (1674 г., Москва – Акты Соловецк. 91); *надобно дать 12000 человекомъ збитню сухова по фунту человеку и что въ тотъ збитень надобно пряныхъ зелей и что имъ цена и надобно збитню 300 пудъ* (1680 г. – ДТП-1, 389); *боченокъ ведра въ два съ сбитнемъ варенымъ* (1690 г. – Д. Шакл-2, 344).

Сыта – «напиток с медом», иногда использовался как самостоятельный напиток, но чаще как медовая вода для рассычивания других напитков. Сыта – добавок к киселю, упоминается уже в Лаврентьевской летописи (запись под 997 г.): *и яко свариша кисель и поимше придоша с ними к другому кладезю и почерпоша сыты и почаша ясти*. В описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. упоминается *котель медяной ведрь въ двенадцать, а подвариваютъ въ немъ сыту*.

Сусло было сладким питательным напитком, получаемым из настоя солода. Дальнейшая переработка сусла позволяла получать и пиво, и квас. Срезневский отметил слово *сусло* в Хождении Иоанна Богослова по списку 1419 г. (Срезн.-З, 627). Во времена Московской Руси слово *сусло* обозначало довольно распространенный напиток, сусло варили для домашних нужд и на продажу: *промышлять ему за нашею порукою в торгу протым киселем и суслом* (1648 г. – АЮ, 318). Кстати, кисель ели с суслом: *куплено сусла с киселем есть* (1657 г. – Кн. прих.-расх. Свир. м., хранится в СПбОИИ).

Любопытно, что все хмельные напитки в старой Руси были сладкими, высококалорийными и питательными. К таким относилась и брага, упоминание о которой находим в жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича 1505 г.: *которому будет человеку монастырскому к празднику розсытить меду или пива сварити и браги сварити*. Брагу варили из овсяного солода.

Часто готовили *брагу пьяную*: *про себя меду поставитъ или пива сваритъ и брагу пьяную збЪлати* (1625 г., цар. гр. – А. воронеж.-2). Такая брага упоминается и в указе 1686 г. Такой сладкий любимый напиток

иногда называли *бражкой*: *Сидеть у бражки смирененько, позовут и к пиву* (посл. XVII в.). В Домострое упоминается *бесхмельная брага*: *пила бы бесхмельную брагу и квась и дома и в людехъ*. Вероятно, о такой бране речь идет и в Послании Иосифа Волоцкого: *А питии квась и брагу, а от пьянства воздержатися*.

Благодаря расширению контактов с иноземцами список напитков в XVI–XVII вв. стал быстро пополняться. Одним из первых таких напитков был *шерап-шарапъ*: *А принесли отъ шаха ... виноградного питья шерапу ведра съ четыре* (1594 г. – Перс. д.-1). Таким напитком русских послов угощали в Персии, в Армении, в Грузии.

Прямым родственником шарапа был *сироп-сырон*. Во всяком случае, у слов *сироп*, *шарап* и *шербет* один персидский предок. Первое упоминание слова *сироп* содержится в статейном списке посольства в Персию: *один мен сиропа кислых гранат* (1599 г.); *сыропу солодного четь фунта, сыропу фьялкового 6 золотниковъ... сыропу изъ маку красного четь фунта* (1680 г. – Сб. Хилкова, 283). Вскоре стали производить и свой российский сироп из малины: *4 ведра ягоды малины на сыропы* (1680 г. – Мат. медиц.-4).

Шербет упоминается в «Проскинитарии» Арсения Суханова: *патриархъ вина не пилъ, а принесли ему шербету чаицу* (1653 г.). А вот наблюдения стольника П. Толстого: *Неаполитанские жители... потчиваютъ другъ друга шербетами и лимонадами* (1698 г. – Дн. Толстого-2, 50).

С чаем и с кофе русские познакомились в XVII в. В статейных списках русских посольств в Китай и Монголию впервые упоминается *чай* – *чай вареный*, по поводу которого у наших предков было много гаданий: *а питье чай, а слово неведомо какова дерева лист, неведомо травяной лист в воде варят да забеливают молоком* (1639 г., ст. список – Рус.-монг. 125); *а пили чай слово, а чай лист не ведать деревянной, не ведать травы какой, а варят ево в воде, да прибеливают молоком. А к ним, к мухальцом. Чай идет ис Китайского, а сказывают, что чай лист снимают с виноградного дерева, а како дерево имянно, рассказать не умеют* (Там же). *Чай варили с маслом и с молоком: А чай был варен с маслом и с молоком, а чай подносили не татарской, а китайской* (1676 г., ст. список Спафария).

Иноземный напиток *кофе* русские узнали во второй половине XVII в. Название заимствовано, как полагал Фасмер, из английского языка (Фасмер-2, 355), но вариантов его было чрезвычайно много: *кофий, вефа, кофа, кафе, кафеи, кофъ, кофей, кава, кохий, кохвий, кохвей*. Мы обнаружили первое употребление этого слово в медицинских текстах, переведенных с латинского: *Изряднее ко отончению приспособляет варено кафе, персянем и турком знаемое и обычайное после обеда* (1665 г. – Мат. ме-

диц.-3). Русские пробовали этот напиток во время иноземных путешествий. В XVIII в. кофе стали подавать и в домах столичной знати.

Теперь о молоке. *Молоко-млеко*, получаемое от коровы, употребляли как самостоятельный напиток, не нуждающийся в добавках, выступающий наряду с другими популярными напитками как особо ценный питательный продукт. Именно об этом свидетельствует следующая запись в Рязанской кормчей 1284 г., отмечающая сладость молока (здесь, как и в других книжно-славянских текстах, употребляется старославянский вариант слова *млеко*): *едина воды не мутящися, другая млека не изменяемаго сладости своя, 3-я вина сладка, 4-я меду цежсена*. Молоко потребляли монахи и миряне, но для монашествующих оговаривались условия его употребления в связи с постами: *запретил масла и млека въ среды и в пятки не ясти* (Моск. лет. кон. XV в., 79).

Различали *молоко пресное*, т.е. сырое, и *молоко топленое*: *въ кашу же и въ молочко топленое полведра молока пресного* (1613 г. – АИ-2). Знали русичи и сливки: *На блюдо киселя белого, а въ него ковшъ молока пресного, ставецъ сливокъ* (Там же).

Тюркские народы предпочитали в связи со своими условиями хозяйствования молоко козье или молоко кобылье. Из кобылья молока готовили *кумыс-кумыз-кумуз-нимыс*. Тюркское название этого напитка попало в Ипатьевскую летопись в записи под 1185 и 1250 гг., откуда их и извлек И.И. Срезневский: *пъеши ли кобылиши кумызъ?* (Срезн.-1. 1266, 1364). Молоко кобылье – напиток питательный, а кумыс – чаще напиток горячительный («вино кумыское»): *молоко козье и коровье и вино, а по их кумыз, из молока ж; да кумыз из молока ж кобылья* (1617 г. – Рус.-монг., 59, 61). Надо сказать, что русичи путались, когда перед ними кислый питательный кумыс, а когда – вино кумыское: *вино ис кумызу, бело, а пьяно: только братина духовая выпить, и человек пьян будет так, что с меду* (Там же). Впрочем, теперь ученые установили, что слабая доза алкоголя есть и в кефире.

Таким образом, русский стол изобилдовал разными типами сладких и питательных напитков. В наименованиях напитков учитывались сырье, технология приготовления, характер добавок и назначение напитка. Древний русич стремился к конкретности наименований, что решалось за счет использования составных наименований.

Источники

А. Воронеж. – Материалы для истории Воронежа и соседних губ., т. 1–2. Воронеж, 1887, 1891.

АИ – Акты исторические..., т. 1–5. СПб., 1841–1842.

АЮ – Акты юридические... СПб., 1838.

Д. Шакл. – Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. 1–4. СПб., 1884–1893.

ДАИ – Дополнения к Актам историческим..., т. 1–12. СПб., 1846–1872.

Дворц. разряды – Дворцовые разряды, т. 1–4. СПб., 1850–1855.

Дн. Толстого – Путешествие стольника П.А. Толстого // Русский архив. 1881.

ДТП – Дела Тайного приказа, кн. 1–3. СПб., 1904–1908; кн. 4. Л., 1926.

Мат. медиц. – Материалы для истории медицины в России, вып. 1–4. СПб., 1881–1885.

Перс. дела – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. 1–3. СПб., 1898.

Рус.-монг. – Русско-монгольские отношения, т. 1–2. М., 1959, 1974.

Срезн. – Срезневский П.П. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1–3. М., 1958.

Срезневский – Срезневский П.П. Мысли об истории русского языка. М., 1959.

Стол. патр. Филарета – Столовая книга патриарха Филарета Никитича 1623–24 г. // «Старина и новизна». Кн. 11, 13. СПб., 1906–1909.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. т. I–IV. М., 1986.

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1847. № 1.

Т.В. Шалаева
(Москва)

К ОБОЗНАЧЕНИЮ СХОДСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИТОЙ, КАПАНЫЙ И ОКОПНЫЙ

Понятие сходства в русском языке часто выражается через метафору движения – например, *подрожать* от слав. **dyrgati* (русс. *дергать*), *походить* от *ходить*, *смахивать* от *махать* [Младенова 1992: 187]. В том числе подобные наименования могут образовываться от глаголов с первичным значением ‘движение жидкости’, таких как *лить* и *капать*, но в отличие от приведенных выше, они имеют каузативное значение и предполагают объект действия. Наиболее часто среди дериватов *лить* семантика сходства представлена пассивными причастиями или прилагательными: литер. *вылитый* (в кого-либо) ‘очень похожий на кого-либо, подобный кому-либо’ [ССРЛЯ 2: 1096], диал. сарат. *литый* – то же (*Литая мать и лицом, и характером*) [СРНГ 17: 74], *литой* – то же [Малеча 2: 365], *вли́тый* (*влитой*) (в кого-либо) – то же (*Она родила двух мальчиков от его, один влитой-влитой, в его все*) [НОС 1: 129], *вляиной* – то же (*Парень идёт, вляиной мой сын, походит на Тришку-то шишко. Вон старуха-то вляина моя золовка идёт, похожа на не шишко*) [СПГ 1: 107], *истовьлитой* то же [СРГК 2, 303]. Собственно глаголы и глагольные сочетания в этом значении встречаются гораздо реже: диал. *лить* ‘рожать

детей, похожих на себя' (*Маркелыч ребят всех в себя льет*) [Малеча 2, 365], *въплиться* 'уродиться похожим на кого-то' (*Он порода кака-то братска, и его-то дочь вся в его вылилась*) [Прибайкал. 1, 67], *въплиться* 'оказаться очень похожим на кого-, что-н.' (*Въплитась в маму. Камень там был въплифшы как человек*) [ПОС 6, 9], сев.-двин. *как въплило* 'о большом сходстве' (*Сын-от как вылило в батьку*) [СРНГ 5, 303–304], *въплить не въплить* (*Онá на Пáвлика, на оцá нахóжса, въплить не въплить – Пáвлик*) [АОС 7, 290]. Из других славянских языков можно привести укр. *вилитий* 'похожий' и блр. диал. *выліты* в том же значении [Толстая 2000: 171].

С. М. Толстая считает, что все указанные слова и выражения связаны с изготовлением предметов из воска или олова в магическом ритуале, основываясь на укр. *вилилась як з воску в матір* и русск. диал. *вылить на воске* 'получить на расплавленном воске изображение лица, будто бы испугавшего ребенка' [Толстая 2000: 171]. По мнению автора, эти обороты отражают народное представление о сходстве родителей и детей как о подобии изготавливаемой знахарем восковой фигурки и ее прототипа [Толстая 2000: 177]. Но кажется, что нет оснований связывать данную лексическую группу исключительно с литьем из воска и олова. Насколько можно судить по имеющемуся материалу, в русском языке нет прямых указаний на обозначение сходства через описание магических действий. Однако фиксируется множество выражений с интересующим нас значением, непосредственно связанных с литейной производственной терминологией, т.е. с изготовлением предметов из любого плавкого вещества: диал. ворон. *в одну лёйку* 'не делая различий, одинаково' [СРНГ, 16: 340–341], *в одно льяло (вылит)* 'одинаковы (о людях)' (Даль, без указ. места; арх.) [СРНГ, 17: 232], *в одно льяло (лится)* (*Всякий есть народ, ведь и у нас не все в одно льяло льются*) [Подвысоцкий: 84], *лится в одном станке* 'быть похожим внешне', 'о людях одного возраста' [БСД: 265], *во льяк* 'одинаковый, точь-в-точь' (*Ваши-те разговоры во льяк, очень на наши походят*) [СПГ, 1: 496], *во льяк не выльешь* – то же [СРНГ, 5: 87], *как в один льяк лить* 'очень похожи' [Сл. Сибири, 2: 219]. В них регулярно упоминается форма для отливки, ср. литер. *ляло* 'форма для отливки, изложница' [ССРЛЯ, 6: 422], диал. *лэйка* 'примитивная форма для литья сальных свечей', 'форма для отливки пуль' (СРНГ, 16: 340–341), *ляк* 'форма для отливки, изложница' [СРНГ, 17: 232], *стано́к* 'приспособление для изготовления кирпичей или брикетов из навоза – ящик, разделенный на ячейки, в которые заливают глину, а для изготовления кизяка – навоз' [СРНГ, 41: 61]. Конструкции с внутренней формой «литься, выливаться в одну форму» проясняют управление глаголов и причастий во фразах типа *Он вылитый в мать*. Можно предположить, что наименование родителей используется здесь как косвенный объект, как указание